

УДК 821.161.1. 09 (093.3+044)+929 [Чуковский +Солженицын]

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН В ДНЕВНИКАХ И ПИСЬМАХ К. И. ЧУКОВСКОГО

И. Ю. Иванюшина

Саратовский государственный университет
E-mail: iiyu@mail.ru

На материале дневников и писем К. И. Чуковского прослеживается история взаимоотношений двух писателей. Рассматриваются взгляды Солженицына и Чуковского на развитие русского языка и литературы.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, К. И. Чуковский, дневники, эпистолярный, «Один день Ивана Денисовича», «Чукоккала».

A. I. Solzhenitsyn in K. I. Chukovsky's Diaries and Letters

I. Yu. Ivanyushina

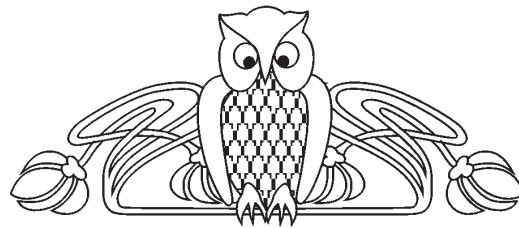
The history of the two writers' interaction is traced on the material of K. I. Chukovsky's diaries and letters.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, K. I. Chukovsky, diaries, epistolary intercourse, «One Day in the Life of Ivan Denisovich», «Chukokkala».

История отношений трех поколений семьи Чуковских с А. И. Солженицыным достаточно хорошо документирована. Дневники и письма К. И. Чуковского опубликованы в 15-томном собрании сочинений¹; отдельно изданы переписка А. Солженицына с Корнеем Ивановичем² и Лидией Корнеевной³, а также отрывки из ее дневника⁴. На тему Солженицын и Чуковский не раз печатно высказывалась Е. Ц. Чуковская⁵. Все это позволяет нам фактическую сторону этих отношений обозначить пунктирно в той мере, в какой она отражена в дневниках и письмах К. И. Чуковского.

Знакомство Чуковского с Солженицыным первоначально было заочным. В апреле 1962 г., отдыхая в Барвихе, Корней Иванович получил от редактора «Нового мира» А. Т. Твардовского «рукопись некоего беллетриста о сталинских лагерях» (13, 324). 11 апреля Чуковский записал в дневнике: «Третьего дня Твардовский дал мне прочитать рукопись „Один день Ивана Даниловича“ – чудесное изображение лагерной жизни при Сталине. Я пришел в восторг и написал краткий отзыв о рукописи» (13, 325). Отзыв назывался программно – «Литературное чудо»⁶ и был передан Хрущеву как один из аргументов в защиту публикации повести в «Новом мире».

Еще до личного знакомства в дневнике Чуковского появляются отрывочные сведения и слухи о Солженицыне: он математик, «он – враг интеллигенции» (13, 359); он выставил репортеров, сказав им: «Вы мешаете мне работать. Если вы не уйдете из комнаты, уйду я» (13, 368); готовится его разгром то в «Правде» и «Известиях» (13, 359), то на совещании в Кремле (13, 365). Таким образом, к моменту получения первого письма

от Солженицына Чуковский был уже заинтригован. 3 марта 1963 г. он восторженно (с тремя восклицательными знаками) пометил в дневнике: «Получил письмо от Солженицына!!!» (1, 364). А 5 марта в письме неустановленному адресату сообщил: «Мне случалось получать письма от Льва Толстого, Ильи Репина, Короленко, Горького, Леонида Андреева, Маяковского, но никогда я не испытывал такой высокой радости, какая нахлынула на меня, когда получил письмо от Солженицына. Я готов был выбежать на улицу и кричать: – А я получил письмо от Солженицына! Он обещает приехать ко мне!» (15, 524). Письмо Солженицына содержало благодарность автору первой рецензии на «Ивана Денисовича», написанной «в то время, когда такая рецензия еще требовала мужества»⁷. Автор сетовал на то, что Твардовский не показал ему отзыв Чуковского, ««боясь испортить», хотя опасность испортиться от похвал давно миновала с возрастом»⁸.

6 июня 1963 г. Солженицын по приглашению Чуковского впервые приехал в Переделкино. В это время Чуковскому исполнился 81 год, Солженицыну – 45. Этим определяется то впечатление, которое произвел гость на хозяина: «Сегодня был у меня Солженицын. Взбежал по лестнице легко, как юноша. В легком летнем костюме, лицо розовое, глаза молодые, смеющиеся. <...> как молодое помчался он догонять поезд – изо всех сил, сильными ногами, без одышки <...> легкий, жизнерадостный, любящий» (13, 369–370). Бодрая, радостная молодость станет лейтмотивом в многочисленных портретных зарисовках Солженицына в дневнике Чуковского: «Сегодня приехал Солженицын, румяный, бородатый, счастливый» (13, 438)⁹.

При более близком общении Чуковский отмечает такие черты характера Солженицына, как доведенная до автоматизма точность учителя математики; экономность: «Говорю ему: тебе нужны ботинки. А он: еще не прошло 10 лет, как я купил эти» (13, 431); зоркая внимательность и чуткость: «Он ясноглазый и производит впечатление простеца. Но глаз у него сверлящий, зоркий, глаз художника. Говоря со мной, он один (из трех собеседников) заметил, что я утомлен. Меня действительно сморило. Но он один увидел это – и прервал – скорее сократил – рассказ» (13, 338).

Дневники и письма К. Чуковского 1963–1964 гг. отражают короткий период массового ув-

лечения Солженицыным. Он становится «модным писателем»: «Когда я упомянул в разговоре, что у меня был в гостях Солженицын, – пишет Чуковский, – на меня посмотрели с нескрываемой завистью» (15, 534); «Всюду слышу восторженные отзывы о Вашем рассказе...» (15, 546); «...среди учительства Ваш рассказ имеет особенный успех» (15, 546); «Как нарочно, заговорили о Солженицыне. Все отзывались о нем восторженно» (13, 374); «Были две аристократки: графиня Людмила Толстая и баронесса Будберг (Мура). Заговорили о Солженицыне. Людмила: “С удовольствием отдаю ему комнату Алеши – одну из пяти комнат в моей квартире”. Говорят, он был у Капицы – и произвел на них чарующее впечатление» (13, 423). Но уже к концу 1965 г. ситуация вокруг Солженицына резко изменилась.

В сентябре 1965 г. после конфискации архива Солженицын по приглашению Чуковского поселился на даче в Переделкино. Корней Иванович отмечает в дневнике: «Он бесприютен, растерян, ждет каких-то грозных событий – ждет, что его куда-то вызовут, готов даже к тюрьме» (13, 418). В очерках литературной жизни «Бодался теленок с дубом» Солженицын вспомнит об этом времени: «В эту пору К. И. Чуковский предложил мне (бесстрашие для того было нужно) свой кров, что очень помогло мне и ободрило. В Рязани я жить боялся: оттуда легко было пресечь мой выезд, там можно было взять меня совсем беззвучно и даже безответственно: всегда можно свалить на произвол, на “ошибку” местных гебистов. На переделкинской даче Чуковского такая “ошибка” исполнителей была невозможна. Я гулял под темными сводами хвойных на участке К. И. – многими часами, с безнадёжным сердцем, и бесплодно пытался осмыслить своё положение, а ещё главней – обнаружить высший смысл обвалившейся на меня беды»¹⁰.

В дальнейшем, приезжая в Москву по делам, Солженицын не раз останавливался в московской квартире или на переделкинской даче. Приглашая его, Чуковский неизменно подчеркивал: «...для меня высокая честь – Ваше (к сожалению, слишком кратковременное) житье в Переделкине» (15, 587); «Как хотелось бы мне, чтобы Вы оба сделали нашему Холодному Дому великую честь – и поселились в нем до моего приезда. Иначе – его существование бессмысленно. Пожалуйста, пренебрегите всеми другими жильями – и переезжайте в Переделкино, где Вас все любят» (15, 583). Он хлопотал о предоставлении Солженицыну квартиры в Москве, собирал подписи, посылал ему ободряющие письма.

Как свидетельствует дневник Л. К. Чуковской, «Ал<ександр> Ис<аевич> все беспокоится, не компрометирует ли он К<орней> И<вановича> своими наездами в Переделкино. Поручил об этом спросить у Деда. Я Люше говорила, что об этом и спрашивать нечего, что в гостеприимстве Дед тверд и не отречется. Она все-таки спросила. Он ответил: – Я подлецом еще никогда не был»¹¹.

Твердость позиции Чуковского тем более показательна, что полного идейного единства между ним и Солженицыным не было. Присмотревшись к своему гостю, Чуковский отмечает в дневнике: «Из разговора выяснилось, что он глубоко поглощен своей темой и не слишком интересуется, например, Пушкиным, Леонидом Андреевым, Квитко. Я читал ему любимые стихи. Ему они никак не понравились. Зато о лагере может говорить без конца» (13, 419); «Его, в сущности, интересует только одна тема – та, что в “Случае на станции” и в “Иване Денисовиче”. Все остальное для него, как в тумане. Он не интересуется литературой как литературой, он видит в ней только средство протеста против вражеских сил» (13, 420). Выяснилось также, что Солженицын равнодушен к творчеству М. Зощенко, которого так любил и ценил Чуковский; что их взгляды на цензуру существенно расходятся и т. д. 20 мая 1967 г. Чуковский записывает в дневнике: «Конечно, имя Солженицына войдет в литературу, в историю – как имя одного из благороднейших борцов за свободу – но все же в его правде есть неправда <...>» (13, 439).

Солженицын и Чуковский – это очень разные по характеру, темпераменту, жизненному опыту, эстетическим пристрастиям люди. Но, как совершенно очевидно демонстрирует их переписка, они питали друг к другу глубокое уважение. Со стороны Чуковского это было обычное для него искреннее восхищение самобытным талантом. 12 марта 1963 г. он написал: «Дорогой Александр Исаевич. Это никакая не заслуга: прочитать великое произведение искусства и обрадоваться ему как долгожданному счастью» (15, 526). Из произведений Солженицына он успел прочесть только несколько рассказов и «Раковый корпус». Но опытный критик сразу понял, что «в литературу вошел очень сильный, оригинальный и зрелый писатель»¹², которого он ставил рядом с Л. Толстым и А. Чеховым.

Солженицын до знакомства с Чуковским имел о его творчестве лишь самые расплывчатые детские воспоминания, которыми и поделился в письме: «Ответно признаюсь Вам, что в тумане моего младенчества не вспоминаю никакой книги прежде Вашего “Крокодила” – она отпечаталась раньше всех и сильнее всех. Вообще это был самый большой ужас моего детства, и, выходя за калитку, я спрашивал у взрослых и оглядывался: не идет ли Крокодил, нет ли массового нашествия зверей...»¹³. С критическими работами Чуковского Солженицын не был знаком. В ноябре 1965 г. он впервые прочел книгу «От Чехова до наших дней» (1908) и признался ее автору: «Я прочел ее с восхищением, всякое другое слово было бы недостаточным. Я никогда не представлял себе, что в опыте нашей отечественной критики есть такое! Книга написана с блеском <...> обнажается и вытягивается главный нерв автора <...> Лично для меня эта книга объяснила и многое, чего я не знал о той литературе вообще...»¹⁴.

Это признание не столько порадовало, сколько огорчило Чуковского, в ответных письмах он объяснил это чувство: «Свою книжку “От Чехова до наших дней” я патологически ненавижу» (15, 583); «Нет, я безмерно рад Вашей похвале (главным образом потому, что она – Ваша). Если же я продолжаю настаивать на своей нелюбви к своей книжке, то лишь потому, что мне в тысячу раз дороже такие мои никому неведомые вещи, как “Поэт и палач”, “Жена поэта”, “Тема денег в поэзии Некрасова”, “Николай Успенский”, “Дружинин и Лев Толстой”, где передо мною раскрывались широкие перспективы новаторской критики <...> С 1914 года по сию пору я для читателей знакомый незнакомец. Автор “Мойдодыра”, “От двух до пяти” и “чего-то такого про Некрасова” <...> А та борьба за правду, за определение писательского я при помощи изучения его стиля, та боевитость, без коей я не мог написать ни строки, – все это пошло псу под хвост и ни единым словом не может войти в мое “Собрание сочинений”» (15, 586–587).

Главная методологическая установка Чуковского – «определение писательского я при помощи изучения его стиля» – была применена им и к творчеству Солженицына. Поэтому не вполне права Л. К. Чуковская, когда в письме Солженицыну делает долгосрочный прогноз: «И вот беда: Вы дожили до войны, тюрьмы, каторги, славы, любви, ненависти, изгнания – до всего. Есть только одно, до чего Вы не доживете: до художественного анализа. Восхищения и возмущения мешают людям оценить художественную гениальность и постичь ее природу»¹⁵. Но именно художественный анализ произведений Солженицына мы находим и в рецензии на «Ивана Денисовича», и в «Высоком искусстве», и в письмах К. Чуковского.

Настоящая встреча Солженицына и Чуковского произошла на эстетической почве. Критик сразу и безоговорочно принял Солженицына-художника. 5 марта 1963 г. Чуковский признается в письме неустановленному адресату: «Я страстно полюбил его талант – не только потому, что он ратует за правое дело (этого подвига не забудет история), но и потому, что он величайший мастер, величайший художник из всех, какие были у нас после Чехова» (15, 524). А 12 марта 1963 г. уже в письме самому Солженицыну пишет: «“Иван Денисович” поразил меня раньше всего своей могучей поэтической (а не публицистической) силой. Силой, уверенной в себе: ни одной крикливой, лживой краски; и такая власть над материалом; и такой абсолютный вкус» (15, 527).

Воспитанный эпохой модернизма с ее высокой художественной и критической культурой, Чуковский и произведения совсем другой эстетической природы оценивал по тому же «гамбургскому счету». В письме Солженицыну от 17 августа 1963 г. он пояснял: «Со мною это бывало и прежде. Когда вышло “Двенадцать” Блока, все витии спорили об “идейной направленности” этой

вещи, и только меня очаровал гениальный сплав романса, частушки, народной песни...» (15, 546).

Рецензия Чуковского на «Ивана Денисовича», будучи опубликованной и воспринятой, могла бы задать совсем иную парадигму изучения творчества Солженицына. Чуковский открывает важнейший эстетический принцип писателя: «В каждой сцене автор идет по линии наибольшего сопротивления и всюду одерживает победу»¹⁶. Именно так, по мнению Чуковского, преодолевается публицистичность: «Другой более слабый автор непременно ударился бы в публицистику, стал бы проклинать и вопить. Но А. Рязанский – и в этом его величайшая сила – ничем не выражает своего страстного гнева. Он не публицист, а летописец»¹⁷. Л. Выготский называл это законом преодоления формой содержания. Одним из способов такого преодоления Чуковский считает трагическую иронию автора, ощутимую на каждой странице «Ивана Денисовича».

Но, пожалуй, самой важной точкой пересечения Солженицына и Чуковского был пристальный интерес обоих к проблемам родного языка. Перечитывая книгу отца о Н. А. Некрасове, Лидия Корнеевна отметила в дневнике: «Между К. И. и А. И. никакого нету сходства, но, еще не успевая понять, что и о чем они пишут, – испытываешь радость погружения в родной язык»¹⁸.

Первое, на что обратил внимание Чуковский в произведениях Солженицына, был именно язык: «...весь рассказ написан <...> языком, полным юмора, колоритным и метким. Автор не щеголяет языковыми причудами (как Даль, Мельников-Печерский, Ал. Ремизов), не выпячивает отдельных аппетитных словечек (как безвкусный Лесков); речь его не стилизация, это живая органическая речь, свободная как дыхание. Великолепная народная речь с примесью лагерного жаргона»¹⁹.

Для того чтобы всерьез поговорить о языке «Ивана Денисовича» в печати, Чуковский нашел подходящий повод. Рассказ Солженицына спешно и небрежно перевели на разные языки мира. Проанализировав эти переводы, Чуковский написал статью «Вина или беда» и опубликовал ее в «Литературной газете»²⁰. В письме Солженицыну он так объяснил подлинный замысел своей статьи: «Я для того и порицаю переводчиков “Ивана Денисовича”, чтобы дать русскому читателю наиболее осязательное, наиболее конкретное представление о стилистическом великолепии повести» (15, 538). В языке подлинника он отметил «свежие, сверкающие народные краски», «слова своеобразные, редкостные, никогда не входившие в так называемую литературную лексику»²¹. Всю жизнь исследовавший поэзию Чуковский чутко реагирует на ритмическую организацию текста: «Не нужно отличать слишком изысканным слухом, – пишет он, – чтобы заметить, что этот текст подчинен ненавязчивому сказовому народному ритму»²². Высоко оценив профессионализм статьи Чуковского, Солженицын с благодарностью от-

метил: «И вообще о языке повести до Вас никто не удосужился написать. Спасибо!»²³

Статья о переводах «Ивана Денисовича» вошла в книгу Чуковского о теории художественного перевода «Высокое искусство», опубликованную в 1964 г. и подаренную автором Солженицыну. Но уже при следующем издании книги в мае 1968 г. возникли трудности: «Вечером приехала Елена Никол. Конюхова от “Советского писателя” уговаривать меня, чтобы я выбросил из своей книги упоминание о Солженицыне. Я сказал, что это требование хунвейбиновское, и не согласился <...> Книга моя вряд ли выйдет <...> Итак, у меня в плане 1968 г. три книги, которые задержаны цензурой...» (13, 497–498). Упоминания о требовании изъять страницы о Солженицыне еще несколько раз встречаются в дневнике Чуковского за 1968 г. Запись от 7 октября – одна из самых горьких: «Сегодня, увы, я совершил постыдное предательство: вычеркнул из своей книги «Высокое искусство» – строки о Солженицыне <...> но ведь я семь месяцев не сдавался, семь месяцев не разрешал издательству печатать мою книгу – семь месяцев страдал оттого, что она лежит где-то под спудом, <...> и теперь, когда издательство заявило мне, что оно рассыплет набор, если я оставлю одиозное имя, я увидел, что я не герой, а всего лишь литератор <...> ибо книга все же – плод многолетних усилий, огромного, хотя и безуспешного труда. Мне предсказывали, что, сделав эту уступку цензурному террору, я почувствую большие мучения, но нет: я ничего не чувствую кроме тоски – обмозолился» (13, 520).

Действительно, это был далеко не первый случай, когда цензура уродовала книги Чуковского и он, живший литературным трудом, вынужден был смиряться. В результате у него выработалось специфическое отношение к цензурным изъятиям, которое он высказал в письме Солженицыну: «А насчет урезок – берите пример с Николая Алексеевича Некрасова: он печатал свои стихи с любыми цензурными изъятиями, зная, что в собрании своих сочинений он реставрирует вычеркнутое. Ведь 1963 годом история литературы не кончается» (15, 546).

Этот вынужденный и выстрадавший Чуковский подход был чужд максималисту Солженицыну, выразившему свое отношение к цензуре в письме к съезду писателей. Требования Солженицына казались Чуковскому утопическими, сам он шел другим путем: с огромным трудом шаг за шагом добиваясь, например, сначала упоминания М. Зощенко в открытой печати, затем публикации воспоминаний о нем в журнале «Москва» в 1965 г.²⁴ Солженицын же упрекал его: «В очерке этом мне сильно не хватает 1946-го года... Ведь нужно! Ведь как обминуть?»²⁵

А вот в вопросе о путях развития русского языка Чуковский и Солженицын были союзниками. Когда на страницах «Литературной газеты» академик В. Виноградов в высокомерно-пре-

зрительном тоне отозвался о лингвистических воззрениях Чуковского²⁶, в защиту писателя выступил именно Солженицын. В программной статье «Не обычай дегтем щи белить, на то сметана»²⁷ он вступился за писателя, «отдавшему лучшие движения своего таланта прослеживанию жизни нашего языка и поддержке всего живого в нем, будь оно седое или только что рожденное»²⁸. Здесь же Солженицын формулирует основные принципы языкового расширения²⁹. В этом деле он считает Чуковского своим единомышленником: «...В вашей книге 1908 года я находил местами и то языковое расширение, и тот русский склад, о котором идет речь. С опозданием я даже начал выписывать примеры, чтобы когда-нибудь их привести. Мне было очень приятно найти в Вас союзника, да иначе и быть не могло»³⁰. Конечно, и в этом вопросе позиции писателей совпадали не полностью, но оба стояли за раскрепощение языковой энергии народа, не удивительно, что сегодня в лингвистических исследованиях их имена стоят рядом как образцы «языкового сопротивления»³¹ советской реальности.

Знаком окончательного признания Чуковским литературного значения Солженицына стало приглашение его в «Чукоккалу». 20 марта 1966 г. он писал: «...мне необходим Ваш автограф <...> хотелось бы, чтобы Вы отразились в “Чукоккале” не случайною альбомною записью, а чем-нибудь более существенным, более передающим самую квинтэссенцию, самую суть Солженицына <...> Мне хочется, чтобы в книге, где так полно представлены Горький, Маяковский, Ал. Блок, Илья Репин, Вяч. Иванов и др. – было оказано самое горячее гостеприимство А. И. Солженицыну» (15, 593). Обсуждались разные варианты: «стихотворение о судьбах русских поэтов»³², «крохотки» «Шарик» и «Город на Неве», фрагменты о языке, о литературе и творчестве. Но готовившееся в 1966 г. издание альманаха так и не было осуществлено при жизни Чуковского. В издании 1979 г. не могло идти и речи о публикации Солженицына, и только в изданиях 1999 и 2006 гг. его автографы были опубликованы³³.

Последний раз Солженицын с женой побывали у Чуковского в Переделкине 16 июня 1969 г. Тогда же Наталья Решетовская сфотографировала их обоих на скамейке у дома.

В конце 1960-х гг. имя Чуковского в какой-то мере было для Солженицына охранной грамотой, что признавал и сам Александр Исаевич: «Корней Иванович открыл мне свой дом в самые тяжелые дни, когда <...> очень реальна была возможность ареста. Вне его дома меня можно было смахнуть как муху. А вот здесь – не возьмешь»³⁴.

Чуковский умер 28 октября 1969 г., а уже 5 ноября Солженицын был исключен из Союза писателей СССР. Но еще некоторое время Корней Иванович мог помогать опальному писателю, оставив ему часть своих сбережений, на которые,

как свидетельствует Солженицын, он прожил три года³⁵.

Чуковский не дожил до всемирной славы Солженицына, до публикации его главных произведений, но того немного, что он прочел, ему как профессионалу оказалось достаточно, чтобы оценить масштаб и уникальность явления. Дневники и письма Чуковского интересны не только тем, что они сохранили непосредственные впечатления об относительно молодом Солженицыне, но тем, что показали возможности художественно-эстетического подхода к творчеству писателя.

Примечания

- 1 Чуковский К. Собр. соч. : в 15 т. Т. 13, 15. М., 2007–2009. Дневники и письма Чуковского приводятся по данному изданию с указанием тома и страницы в скобках.
- 2 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969) // Новый мир. 2011. № 10. С. 134–153.
- 3 «Открытую почту нам Москва обрubiла в оба конца...» : Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1974–1977) // Солженицынские тетради. Вып. 1. М., 2012. С. 47–100 ; «Слово “Самиздат” пишется с большой буквы...» : Из переписки Александра Солженицына и Лидии Чуковской (1967–1974) // Солженицынские тетради. Вып. 2. М., 2013. С. 43–92.
- 4 Чуковская Л. Счастливая духовная встреча. О Солженицыне // Новый мир. 2008. № 9. С. 79–139.
- 5 См.: Чуковская Е. Солженицын и Чуковские // Рос. обозрение. 1994. № 41 ; Она же. А. И. Солженицын в переписке с Чуковскими // Путь Солженицына в контексте большого времени. Сборник памяти. 1918–2008. М., 2009. С. 102–106 ; Она же. Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969) // Новый мир. 2011. № 10. С. 134–153.
- 6 Чуковский К. Литературное чудо // «Ивану Денисовичу» полвека : Юбилейный сборник (1962–2012). М., 2012. С. 20–21.
- 7 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969). С. 135.
- 8 Там же.
- 9 В том же эмоциональном ключе дает портрет Солженицына и Л. К. Чуковская : «Первое впечатление: молодой, не более 35 лет, белозубый, быстрый, легкий, сильный, очень русский <...> Светло-голубые глаза, неопределенного цвета волосы. Шофер? Монтер? <...> Главное ощущение от него: воля, сила. Чувствуется, что у человека этого есть сила жить по-своему» (Чуковская Л. Счастливая духовная встреча... С. 71–72).
- 10 Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни // Новый мир. 1991. № 6. С. 84.
- 11 Чуковская Л. Счастливая духовная встреча... С. 79.
- 12 Чуковский К. Литературное чудо. С. 21.
- 13 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969). С. 135–136.
- 14 Там же. С. 146.
- 15 «Открытую почту нам Москва обрubiла в оба конца...». С. 97.
- 16 Чуковский К. Литературное чудо. С. 21.
- 17 Там же.
- 18 Чуковская Л. Счастливая духовная встреча... С. 124.
- 19 Чуковский К. Литературное чудо. С. 20–21.
- 20 Чуковский К. Вина или беда? Об искусстве художественного перевода // Лит. газ. 1963. 3 авг.
- 21 Там же.
- 22 Там же.
- 23 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969). С. 140.
- 24 См.: Чуковский К. Михаил Зощенко // Москва. 1965. № 6. С. 190–208.
- 25 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969). С. 145.
- 26 См.: Виноградов В. Заметки о стилистике современной советской литературы // Лит. газ. 1965. 19 окт.
- 27 См.: Солженицын А. Не обычай дегтем щи белить, на то сметана // Лит. газ. 1965. 4 нояб.
- 28 Там же.
- 29 См. об этом: Иванюшина И. Две концепции «языкового расширения» : А. Солженицын и В. Хлебников // А. И. Солженицын и русская культура. Вып. 3. Саратов. 2009. С. 86–95.
- 30 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969). С. 147.
- 31 См. об этом: Кутина Н. Тоталитарный язык : Словарь и речевые реакции. Екатеринбург ; Пермь, 1995.
- 32 Переписка Александра Солженицына с Корнеем Чуковским (1963–1969). С. 149. Имеется в виду стихотворение А. Солженицына «Поэты русские! Я с болью одинокой...» (1952).
- 33 Современное издание «Чукоккалы» (Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 2006) содержит три автографа А. Солженицына: первую альбомную запись («Побыв сегодня несколько часов с Вами, Корней Иванович, и вместе с Вами заглянув (надеюсь, не последний раз) в «Чукоккалу» – я пережил это светлое и такое необходимое прикосновение к нашей старой доброй литературе. Солженицын. Дар остроумца не дан мне, и этот листик, увы, не украсит «Чукоккалу»), стихотворение «Поэты русские!», рассказ «Шарик» (С. 540–543) и фотопортрет А. Солженицына, сделанный Э. Гладковым.
- 34 Солженицын А. Лидия Чуковская. Некролог // Лит. газ. 1996. 14 февр.
- 35 «<...>После гонимых за “Ивана Денисовича” у меня не было существенных заработков, только ещё деньги, оставленные мне покойным К. И. Чуковским, теперь и они подходят к концу. На первые я жил шесть лет, на вторые – три года» (Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Приложения. Из интервью А. Солженицына газетам «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост». Москва, 30 марта 1972 // Новый мир. 1991. № 8. С. 103).